

Р.Дж. Холлингдейл

Friedrich Nietzsche

ФРИДРИХ НИЦШЕ

*Трагедия
неприкаянной души*

Р. Д. Холлингдейл

**Фридрих Ницше. Трагедия
неприкаянной души**

«Центрполиграф»

Холлингдейл Р. Д.

Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души /
Р. Д. Холлингдейл — «Центрполиграф»,

Известный переводчик и почитатель творчества Ницше Р.Дж. Холлингдейл создал ясную и умную книгу об этом философе. Автор проводит четкую границу между реальными фактами и легендами, между философией и ее профанацией. Ницше – знаковая фигура конца XIX – начала XX века, переломной вехи в истории человечества. Актуальны его идеи и в наше непростое и тоже переломное время. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Холлингдейл Р. Д.
© Центрполиграф

Содержание

Труды Ницше	5
Часть первая	8
Глава 1	8
1	8
2	11
3	17
Глава 2	20
1	20
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Р.Дж. Холлингдейл Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души

Труды Ницше

В обширном перечне трудов, опубликованных под именем Ницше при жизни и посмертно, необходимо различать, с одной стороны, его подлинные сочинения, то есть те, что были опубликованы или подготовлены к печати непосредственно им самим, и, с другой стороны, все прочие материалы, то есть «Nachlass» («Наследие»), под которым следует понимать весь корпус документов, оставшихся после болезни и смерти философа, включая его филологические очерки и юношеские наброски. Ницше ответствен только за первые, в отличие от последних, так как их общей отличительной чертой является нежелание самого автора издавать их в качестве своих законченных произведений. Тем не менее, в результате публикации «Воли к власти» – компиляции «Наследия» 1880-х – граница между этими двумя группами текстов стерлась, и логическое, последовательное представление о развитии философии Ницше ступевалось. Задавшись целью восстановить и проследить это развитие, следует прежде всего внести ясность в важнейший вопрос об авторстве произведений. Также целесообразно предварительно указать порядок выхода в свет трудов Ницше, так как это даст необходимое представление о развитии его мысли. По этой причине я привожу здесь хронологический перечень его работ. (После названий даны условные сокращения, которыми сочинения обозначены в тексте данной книги.)

1. *Die Geburt der Tragodie, oder Greichentum und Pessimismus* (Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм **(PT)**).

Работа опубликована в 1872 г. под названием «Рождение трагедии из духа музыки»; состоит из 25 разделов и «Предисловия Рихарду Вагнеру». Второе издание – 1874 г. – содержит некоторые текстовые изменения. В третьем издании – 1886 г. – название изменено на указанное выше, и сочинение открывается «Очерком самокритики»: будучи помечено как *новое издание*, оно в действительности является переизданием оставшихся копий двух предыдущих изданий (с измененным названием и добавленным вступительным очерком). В настоящей книге текст цитируется по второму изданию.

2. *Unzeitgemasse Betrachtungen* (Несвоевременные размышления).

Erstes Stück: David Strauss, der Bekenner und der Schriftsteller.

Часть первая: Давид Штраус, исповедник и писатель. Опубликовано в 1873 г. Объемный очерк, состоящий из 12 разделов **(HI)**.

Zweites Stück: Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben.

Часть вторая: О пользе и вреде истории [исторической науки] для жизни. Опубликовано в 1874 г. Объемный очерк из 10 разделов, с *Предисловием* **(HII)**.

Drittes Stück: Schopenhauer als Erzieher.

Часть третья: Шопенгауэр как наставник. Опубликовано в 1874 г. Объемный очерк из 8 разделов **(HIII)**.

Viertes Stück: Richard Wagner in Bayreuth.

Часть четвертая: Рихард Вагнер в Байрейте. Опубликовано в 1876 г. Объемный очерк из 11 разделов **(HIV)**.

Планировалось продолжение «Несвоевременных размышлений», но осуществлено не было.

3. *Menschliches, Allzumenschliches. Ein Buch für freie Geister* (Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных духом).

Том первый. Опубликовано в 1878 г., содержит 638 разделов, объединенных в 9 глав, с посвящением Вольтеру и цитатами из Декарта «вместо предисловия». Второе издание 1886 г. не содержит изменений, за исключением следующих: 1) изъято посвящение, 2) вместо цитат дано заново написанное предисловие и 3) добавлено поэтическое послесловие «В кругу друзей» (**ЧС**).

Том второй

Erste Abteilung: Vermischte Meinungen und Sprüche.

Раздел первый: Разнородные мнения и максимы. Опубликовано в 1847 г., содержит 408 разделов (**ЗМ**).

Zweite Abteilung: Der Wanderer und sein Schatten.

Раздел второй: Скиталец и его тень. Опубликовано в 1880 г., содержит 350 разделов структурно единого диалога между скитальцем и его тенью (**СТ**).

Второе издание 1886 г. объединяет эти два раздела в качестве второго тома **ЧС**, единственное изменение – новое предисловие.

4. *Morgenröte. Gedanken über die moralischen Vorurteile* (Рассвет. Размышления о предрассудках морали).

Публикация 1881 г., содержит 575 разделов, объединенных в пять «книг». Второе издание 1887 г. без изменений, за исключением нового предисловия (**Р**).

5. *Die frohliche Wissenschaft («la gaya scienza»)* (Веселая наука (**ВН**)).

Опубликована в 1882 г., содержит 342 раздела, объединенных в 4 «книги», с «Прологом к немецкой поэзии: жест, коварство и месть» – заголовок из Гете; содержит 63 коротких стихотворения. Второе издание 1887 г. дополнено:

1) пятой книгой: «Wir Furchtlosen» («Мы, бесстрашные»)

2) приложением «Lieder des Prinzen Vogelfrei» («Песни Принца-Свободной-Птицы»), содержащим 14 стихотворений,

3) новым предисловием. Цитата из Эмерсона, взятая в качестве эпиграфа к первому изданию, заменена четверостишием самого Ницше.

6. *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen* (Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого (**З**)).

Часть первая опубликована в 1883 г. и содержит «Пролог Заратустры» и 22 главы.

Часть вторая также опубликована в 1883 г., содержит 22 главы.

Часть третья опубликована в 1884 г., содержит 16 глав.

Четвертая и последняя часть, содержащая 20 глав, издана частным образом в 1885 г.; первое публичное издание 1892 г. составляет часть первого собрания сочинений Ницше (ред. Петер Гаст).

Части первая, вторая и третья переиздавались единым томом в 1887 г. без каких-либо изменений и дополнений.

7. *Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft* (По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего (**ДЗ**)).

Опубликовано в 1886 г., содержит 296 разделов, объединенных в 9 глав, предисловие и поэтическое послесловие под названием «Aus hohen Bergen» («С высоких гор»).

8. *Zur Genealogie der Moral. Eine Streitschrift* (О генеалогии морали. Полемика **(ГМ)**).

Опубликовано в 1887 г. Три очерка с предисловием.

9. *Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem* (Падение Вагнера. Проблема музыканта **(В)**).

Опубликовано в 1888 г. Полемический очерк с предисловием, двумя послесловиями и эпилогом.

10. *Go'tzen-Dammerung, oder Wie man mit dem Hammer philosophiert* (Сумерки идолов, или Как философствовать при помощи молота **(СИ)**).

Подготовлено к публикации в 1888 г., опубликовано в 1889 г. 10 глав с предисловием и цитатой из «Заратустры» («Der Hammer redet») («Говорит молот») в качестве эпилога.

11. *Nietzsche contra Wagner. Aktenstucke eines Psychologen* (Ницше против Вагнера. Письмо Философа **(НПВ)**).

Подготовлено к публикации в 1888 г., вышло в частном издании в 1889-м; первое публичное издание 1895 г. состоялось в составе «Gesamtausgabe in Grossoktav», ред. Фриц Кегель. 9 коротких глав с предисловием и эпилогом.

12. *Der Antichrist* (Антихрист **(А)**).

Подготовлено к публикации в 1888 г., опубликовано в 1895-м в составе «Gesamtausgabe in Grossoktav». Объемный очерк из 62 разделов с предисловием.

13. *Dionysos-Dithyramben* (Дифирамбы Диониса) **(ДД)**

Девять стихотворений разных периодов, вероятно подобранные Ницше для публикации в конце 1888 г; опубликованы в 1892 г. в первом собрании сочинений, ред. Петер Гаст.

14. *Ecce Homo. Wie man wird, was man ist.* (Ecce Homo. Как человек становится тем, что он есть **(ЕН)**).

Автобиография в 4 главах с предисловием. (Между третьей и четвертой главами расположены 10 разделов, в которых Ницше повествует о своих предыдущих работах. В настоящей книге ссылки на эту часть обозначены сокращениями ЕН-ДЗ, ЕН-ГМ.) Подготовлена к публикации и частично опубликована в последней четверти 1888 г. Опубликована в 1908 г. (ограниченное издание), 1911 г. (неограниченное издание).

«Der Wille zur Macht» («Воля к власти») в тексте настоящей книги обозначена индексом **(ВВ)**.

...Любопытство вроде моего – это решительно наиболее приятный из пороков – да простят меня. Я разумел под этим: любовь к истине вознаграждается на небесах, а теперь и на земле.

Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла

Часть первая 1844–1869

Мы... добрые европейцы, наследники... тысячелетий европейского духа: как таковые, мы переросли христианство и чужды ему, именно потому, что мы выросли из него, потому, что наши праотцы были христианами беспощадной христианской целостности, которые ради своей веры с радостью жертвовали имуществом и кровью, положением и страной. Мы – делаем то же самое.

Ф. Ницше. Веселая наука

Глава 1 Дитя

Протестантский пастор – дедушка немецкой философии.
Ф. Ницше. Антихрист

1

Воззрения Ницше всегда, казалось, столь резко отличались от мнений среды, в которой он рос, что часто воспринимались неистовой реакцией протеста на свое воспитание. Даже на его философию взирали не более как на выверенную антитезу взрастившей его традиции. Он был наследником династии лютеранских священников, восходящей к началу семнадцатого века; его отец и оба деда были служителями лютеранской церкви, и первые пять с половиной лет своей жизни он прожил в доме приходского священника, после чего жил в не менее набожных домах. Это обстоятельство породило мнение о причинах неприятия им религии в дальнейшем. Однако есть две причины, позволяющие опровергнуть подобное объяснение генезиса убеждений Ницше. Во-первых, ни один серьезный ученый сегодня не склонен преувеличивать разницу между христианскими взглядами и собственными взглядами философа: сегодня тенденция – я полагаю, оправданная – делать упор на традиционные элементы его философии и их связь с «протестантской» традицией познания, частью которой, можно сказать, является практически вся немецкая философия. Во-вторых, надобность объяснять иррациональность, каковая считается характерной для воззрений Ницше, отпадает по мере того, как растет уверенность в том, что они вовсе не иррациональны. Представление о его философии как следствии окружения опиралось на тезис о том, что природа его воззрений скорее эмоциональна, нежели рациональна. Эта предпосылка эмоционального бунта вела к трактовке в русле иррационализма, так как именно иррационализм ответствен за непримиримость и радикализм бунта. И здесь снова приходится пересматривать привычную картину; теперь возникает соблазн пренебречь бунтовской составляющей, вместо того чтобы сделать на нее упор, ибо наличие ее в его философии Ницше несомненно, а заодно сделать упор на прочные связи с прошлым, вместо того чтобы игнорировать их.

Чем пристальнее вчитываешься в произведения Ницше, тем менее ощущаешь склонность взирая на них извне ради разъяснения их значения или причин появления на свет. Пропадает желание вскрывать их психологическую подоплеку или отыскивать в той сугубо ортодоксальной семье почву, на которой взошла его философия. И вот когда исчезает эта потребность, можно более реалистично представить, чем же на самом деле был этот дом. Также

становится ясно, что устоявшееся представление о нем основано на ошибочной концепции. Дом Ницше был действительно ортодоксален, но качество этой ортодоксальности понималось несколько превратно. На взгляд стороннего наблюдателя, лютеранская церковь родственна англиканской в гораздо большей степени, чем любая другая: обеим не свойствен фундаментализм, фанатизм или пуританство. Лютеранская церковь занимает особое место в истории немецкой культуры и образования. Ее называют *Pfarrhausstradition* (традиция дома священника), что подразумевает сохранение и распространение культурного просвещения в лютеранском приходе, и это одна из нескольких непрерываемых нитей в ткани немецкого исторического развития за последние три сотни лет. Те, кто воспитан в этой традиции, независимо от того, присоединились ли они к ней самостоятельно или нет, сыграли ни с чем не сравнимую роль в культурной и интеллектуальной жизни Германии, и, когда Ницше писал, что протестантский пастор является дедушкой немецкой философии, он говорил истинную правду. Его собственный дом был организован строго в соответствии с лютеранской традицией. Нет сомнений в том, что здесь он был счастлив, и он никогда не говорил о том, что «бунтовал» против своего окружения, на которое не мог опереться. Помимо отца и матери, наиболее влиятельной фигурой его детства и юности был его дед по материнской линии, пастор Давид Охлер, с которым он и его сестра часто проводили каникулы. Дедушка Охлер принадлежал к разряду пасторов старого типа; он любил охоту, обладал большой библиотекой и был музыкально одарен; его приход напоминал ферму, и подавляющую часть рабочей недели он был больше фермером, чем служителем церкви. Сложения он был крепкого, имел одиннадцать детей, умер на своем посту в возрасте 72 лет и, подобно Лоренсу Стерну, был столь же поразительно благочестив и мечтателен. Как и англиканская церковь, лютеранская открывала низшим сословиям один из возможных путей к культурному совершенствованию, и тот факт, что предки Ницше избрали этот путь, не является свидетельством их особой набожности (и вообще набожности). Если читатель представит, что в англиканской церкви восемнадцатого века некто Свифт мог занимать должность декана кафедрального собора, некто Беркли – служить епископом, что место здесь находилось даже для таких, как Стерн, то у него сложится совершенно правильное представление о том климате терпимой ортодоксии, в котором вырос Ницше.

Родословная Ницше восходит к шестнадцатому веку. Известны имена более двухсот его предков, все они немцы. Аристократов среди них не было; были в роду крестьяне, но по большей части это были мелкие ремесленники – шляпники, плотники, мясники и тому подобные. Но к восемнадцатому веку все фамилии, которые в конечном итоге сошлись в философе, состояли при лютеранской церкви.

Первым Ницше, поступившим на службу церкви, был дед философа Фридрих Август Людвиг (1756–1826), который дослужился до звания суперинтендента, что равноценно епископскому рангу. Семья матери Фридриха Августа насчитывала уже пять поколений лютеранских священников (1600–1725); отец его жены и прадед тоже состояли при церкви. Он был автором двух полемических трактатов в защиту христианства в период Французской революции; в одном из них в качестве подзаголовка он выдвигал утверждение о том, что христианство продлится вечно. Категорические противники в этом вопросе, прадед и правнук все же в чем-то были похожи: обоим свойственна крайность суждений находящейся под угрозой традиции и, кроме того, есть что-то общее в полемическом стиле их работ, хотя прадед не обнаруживает столь острого ума и риторического блеска, которые свойственны правнуку¹.

¹ Книги Фридриха Августа Ницше: «Gemaliet, oder die immerwährende Dauer des Christentums» (1796); «Beitrag zur Beförderung einer vernünftigen Denkensart u. ber Religion, Erziehung, Untertanenpflicht und Menschenliebe» (1804). Эти работы являются единственным источником, позволяющим составить некоторое представление о характере незаурядного интеллектуального дарования представителей рода Ницше до рождения философа.

Сын Фридриха Августа, отец философа, Карл Людвиг Ницше, родился в 1813 г. Ему изначально была уготована судьба служителя церкви, и в 1842 г. он стал пастором деревни Рекен близ Лютцена, а также соседних деревушек Михлитц и Ботфельд. На следующий год он женился на одной из дочерей священника деревни Поблес в часе ходьбы от своего прихода. Франциска Охлер, мать философа, была шестым ребенком из одиннадцати детей пастора Охлера. Она родилась в 1826 г. и к моменту супружества с пастором Ницше достигла 17 лет. Она, по-видимому, была недостаточно образованна, но многочисленные свидетельства говорят о ее веселом нраве и здравом смысле. Эти добродетели могут показаться прозаическими, однако в приходе Рекен о них не упоминалось до ее появления. Жизнь в приходе пастора Ницше протекала спокойнее, нежели в хозяйстве фермера и охотника – пастора Охлера. Обязанности по дому лежали на вдовой матери; здесь же проживали две сводные сестры священника, Августа и Розали, парочка престарелых чудачек, милых, исполненных благих намерений, незамужних, умеренных невротичек; за ними впоследствии закрепилась слава «тетушек Ницше», воплощения провинциальной косности, против которой, как полагают некоторые комментаторы, и была обращена философия Ницше.

Новая фрау пастор была настолько моложе всех домочадцев, что ей, должно быть, показалось, что из одного отеческого дома она перебралась в другой, правда менее симпатичный, где была далеко не хозяйкой, да еще и самой младшей в семье. Когда стали появляться дети, они были ей сверстниками в большей степени, нежели любой другой обитатель дома. Все, что нам известно о Франциске Ницше, говорит о ней как об очень кротком и добром человеке. Она унаследовала от отца добрую толику его жизнелюбия, и ее глубокая вера носила инстинктивный характер, что сказывается прежде всего в поступках, а не в отправлении культа. Она принадлежала к тому типу христиан, которые не допускают, что обученный Евангелию человек может сомневаться в его истинности, и при этом снисходительно смотрят на все ереси, прописанные в книжках; всего один-единственный раз она всерьез повздорила с сыном, когда ей показалось, что он вознамерился претворить в жизнь свое теоретическое язычество.

Совершенно неуместную путаницу в незатейливую историю происхождения Ницше внесла версия о том, что на самом деле их род восходит к польской знати. Согласно «семейному преданию», их аристократическими предками были протестанты, бежавшие в Германию от католического преследования на родине. Ницше настаивал на этой версии уже ближе к концу жизни. В 1888 г. он писал Георгу Брандесу: «Моими предками были польские дворяне (Ницкие); похоже, тип хорошо сохранился, несмотря на три поколения немецких матерей». То же самое он повторил и кое-где еще, а именно в «Ессе Номо». Брандес, знавший историю рода только со слов самого Ницше, повторил ее в некрологе, дав ей тем самым путевку в жизнь. В своих исследованиях Макс Охлер, ведавший одно время архивом Ницше в Веймаре, доказал – как и подозревали современники Ницше – ложность этого положения. Именно Охлер выявил двести предков, имевших отношение к философу, и указал, что все они носили немецкие имена, даже по женской линии. Согласно Рихарду Блунку, фамилия *Ницкие* не является польской, тогда как фамилия *Ницше* чрезвычайно распространена в Центральной Германии, как в этой форме, так и в некоторых сходных с ней (*Nietzsche*, *Nitzke*). Как многие распространенные фамилии, она происходит от обычного имени, в данном случае *Nikolaus* (*Nicholas*), которое, будучи сокращено до *Nick*, ассимилировалось со славянским *Nitz* (произносится *Ници*) и стало сначала *Nitsche*, а потом и *Nietzsche*. Очевидно, что сам Ницше не изучал своей родословной, и его замечание о «трех поколениях немецких матерей», похоже, чистый вымысел. Нельзя с уверенностью указать причины его желания верить в то, что его семья – лютеранских священников – имела предков в лице польского дворянства. Лично мне, однако, кажется, что ему хотелось прослыть не столько дворянином, сколько поляком; иначе говоря, его поддержание

этой легенды было частью его кампании против Германии, «европейской равнины», нации,² «на совести [которой] все тяжчайшие преступления против культуры за последние четыре столетия...» (ЕН-В, 2). Эта же нация в течение первого года со дня публикации его книги «Человеческое, слишком человеческое» купила всего 170 ее копий, а реакция на первые три тома «Заратустры» была так холодна, что ни один издатель не шел на риск взяться за четвертый. Десять лет – вплоть до 1888 г. – он потратил на то, чтобы издать несколько произведений, благодаря которым он имел все основания стать крупнейшей фигурой в немецкой литературе и философии того времени. Однако ничего подобного не произошло: он сталкивался с молчанием и равнодушием, и его справедливый гнев за такое отношение обернулся в последний год его душевного здоровья слепой, безотчетной ненавистью. Теперь он не признавал в немцах ничего, кроме преступлений. Никто, говорил он, никогда не писал на немецком языке так прекрасно, как Гейне и Ницше, причем Гейне был еврей, а Ницше – поляк.

2

Ницше родился 15 октября 1844 г. в Рекене. Его появление на свет совпало с датой рождения короля Пруссии, перед которым благоговел пастор Ницше, и ребенок получил имя Фридрих Вильгельм в честь короля. В дальнейшем у пастора и его жены родилось еще двое детей: 10 июля 1846 г. – дочь Элизабет и в феврале 1848 г. – второй сын, Иозеф, умерший в младенчестве.

Приход, в котором молодой Фриц провел первые пять лет жизни, находился в сердце сельской природы. Окруженный крестьянскими хозяйствами, он и сам был своего рода фермой, с фруктовым садом позади него и скотным двором перед ним. За скотным двором был палисад, а за изгородью – место, которое представлялось ребенку раем: четыре полных рыбы пруда, окруженные ивами. Именно здесь он проводил большую часть летнего времени. Единственный городок неподалеку, в полчасе ходьбы, был Лютцен, место сонное, просыпавшееся только с ежегодной ярмаркой, визит на которую служил жителям Рекена единственным предлогом раз в году покинуть свою деревню. Городок, находившийся в Саксонии-Анхальт, бывшей ранее территорией Восточной Германии, по-прежнему столь же невелик; в годы Ницше он располагался в сугубо сельской местности в окружении деревушек, для которых служил рынком и «столицей».

Наверное, нет необходимости говорить о том, что революционные волнения 1848–1849 гг. мало затронули Рекен. В своих записках «Aus meinem Leben»³ («Из моей жизни») Ницше отмечает, что видел повозки, набитые веселыми людьми, которых он принял за повстанцев; с поднятыми знаменами они мчались по дороге мимо приходской церкви. Известно, что пастор Ницше осуждал восстания как акты крайней неблагодарности по отношению к его возлюбленному королю. Попутно вспомним, что основным доводом обвинения Вагнера на судебном процессе об его участии в Дрезденском восстании в мае 1849 г. была его неблагодарность королю Саксонии, который спас его от нищеты, дав место дирижера в Королевской опере.

Но все это никак не касалось маленького Фрица. Монотонная жизнь, привычная череда буден, в которых если что-то и менялось, то только погода, надежный дом, предназначенный, видимо, стоять вечно, – вот фрагмент детства, который Ницше пережил за свои первые четыре года. Идиллия нарушилась, когда пастор Ницше заболел и умер в возрасте 36 лет. Вероятно, это стало главным событием в жизни Ницше; нет более ни одного другого события, запись о

² Blunck Richard. Friedrich Nietzsche. Kindheit und Jugend. Basel, 1953.

³ Этот документ появился между 18 августа и 1 сентября 1858 г., как раз перед тем, как Ницше покинул дом, чтобы стать соискателем на место в Пфортшуле. Он хотел записать все, что мог припомнить о детстве, прежде чем с ним расстаться.

котором могла бы пролить свет на возможную причину, по которой в последующие годы для него стало невозможным ни пребывать в родном доме, ни создать свой собственный, ни прочно обосноваться где бы то ни было. Если окинуть взглядом его жизнь в целом, ничто так не поражает, как контраст между совершенно неподвижным, домашним, локализованным существованием его ближайших и более отдаленных предков и его собственной хронической неприкаянностью. Сын глубоко национальной, с глубокими корнями семьи стал лишенным корней космополитом. Это вряд ли можно списать, как иногда полагают, на счет слабого здоровья, донимавшего его в последующие годы; наоборот, слабый здоровьем человек, не в пример человеку крепкого здоровья, вероятно, старался бы избегать путешествий и бытовой неустроенности. А Ницше, как будто инстинктивно, избегал малейшего повода, который мог бы привязать его к определенному месту. Он никогда не был женат и не стал отцом, он избегал отношений с этими институтами, которые большинству мужчин, даже самых блестящих, обеспечивают твердую жизненную почву. Странно ли усматривать объяснение этому факту во внезапном и, как, должно быть, он воспринял, катастрофическом падении его самого первого дома?

Он был горячо привязан к отцу, и его утрата нанесла ему тяжелейшую травму. «Из моей жизни» рисует нам сохранившийся в его душе образ; здесь же мы находим свидетельство тех переживаний, которые переполняли сына во время болезни и смерти отца. Пастор Ницше, читаем мы, был «совершенным образцом сельского священника».

«Одаренный высоким духом и душевной теплотой, наделенный всеми добродетелями христианина, он жил мирной, простой, счастливой жизнью, любимый всеми, кто его знал. Его хорошие манеры и веселый нрав были украшением всякого общества, куда его приглашали... Часы досуга он посвящал чтению и музыке и как пианист достиг заметного мастерства, особенно в исполнении свободных вариаций (то есть импровизации)».

Столь же хвалебное описание мы находим и в «Mein Lebenslauf» («Краткой автобиографии»), еще одном автобиографическом очерке, написанном в 1861 г.:

«Я все еще храню в душе его живой образ: высокая, стройная фигура, тонкие черты лица и добрая, приятная манера держаться. Всеми любимый и повсюду желанный гость, как за свой остроумный разговор, так и за доброе сочувствие, чтимый и любимый крестьянами как священник, чьи слова и поступки были равно полезны, самый заботливый муж и любящий отец – он был образцом совершенства сельского священника».

Над самым известным фрагментом из воспоминаний Ницше об отце, написанном в посмеивались, как над явной идеализацией:

«...Он был утонченный, любящий и болезненный, как существо, коему предначертано нанести мимолетный визит в этот мир, – любезное напоминание о жизни, нежели собственно жизнь» (ЕН, 1, 1).

Однако это не столько идеализированный образ забытого отца, сколько портрет больного, умирающего человека – пастора Ницше в последние девять месяцев его жизни, каким он более всего являлся в памяти своего 44-летнего сына. Настроение тех последних месяцев лучше всего передано языком «Из моей жизни»:

«До той поры мы испытывали только радость и счастье, жизнь наша текла безмятежно, как ясный летний день. Но потом сгустились черные тучи, сверкнула молния, и удары грома грянули с неба. В сентябре 1848 г. моего возлюбленного отца внезапно постигла душевная

болезнь. И мы, и он надеялись на скорейшее выздоровление. В те дни, когда ему становилось лучше, он просил нас позволить ему проповедовать и возобновить уроки конфирмации, ибо его деятельный дух не выносил праздности. Несколько докторов пытались выяснить природу его болезни, но тщетно. Тогда мы привезли в Рекен знаменитого доктора Опольцера, бывшего тогда в Лейпциге. Этот удивительный человек сразу же распознал, где поселилась болезнь. К нашему общему ужасу, он поставил диагноз – размягчение мозга. Хотя и не безнадежный, случай был, несомненно, очень тяжелый.

Моему дорогому отцу приходилось переносить страшную боль, но состояние не улучшалось, а становилось день ото дня все хуже. Он пролежал в постели до июля 1849 г.; и вот приблизился день его ухода. 26 июля он впал в глубокое забытие и лишь временами приходил в сознание... Скончался он 27 июля 1849 г. Когда я проснулся в то утро, повсюду вокруг я услышал плач и всхлипы. Моя дорогая мать вошла в слезах и простонала: «О боже! Мой дорогой Людвиг умер!» Хотя я был еще очень мал и неопытен, я имел представление о том, что такое смерть: меня пронзила мысль, что я навсегда разлучен с моим возлюбленным отцом, и я горько заплакал. Дни, которые затем последовали, были полны слез и приготовлений к похоронам. О господи! Без отца я осиротел, моя дорогая мать овдовела! 2 августа бранные останки моего дорогого отца были преданы земле... Церемония началась в час дня и сопровождалась звоном колоколов. О, пустой лязг этих колоколов навсегда останется у меня в ушах, мне никогда не забыть мрачной мелодии гимна «Jesu meine Zuversicht»!»

Эти события произошли, когда мальчику было 4 года, а записал он их в 14 лет. За эти 10 лет чувство потери и ощущение, что мир рушится, похоже, усилились, а не притупились⁴.

Природа болезни пастора Ницше и ее причина горячо обсуждались в литературе, посвященной Фридриху Ницше, так как его самого постигло помутнение рассудка. И это было мощнейшим аргументом публики, пережившей настоящий шок с выходом в свет его произведений 1880-х и 1890-х гг., начиная с работы «Человеческое, слишком человеческое»; многие читатели испытывали явный соблазн приписать эти труды сумасшествию автора. Несостоятельность такой позиции я попытаюсь доказать, когда мы коснемся вопроса об истинных причинах болезни Ницше. На мгновенно возникающий вопрос о том, не мог ли он унаследовать психическое нездоровье от отца, ответом может быть только твердое «нет». Сведения, чем именно страдал пастор Ницше и от чего он умер, весьма скудны. С уверенностью утверждать можно лишь то, что он временами страдал от непродолжительных припадков эпилепсии, которые сам он таковыми не считал и которые не сочли достаточно серьезными, чтобы предписать лечение и постоянный надзор. Примерно за девять месяцев до смерти пастор стал жертвой какого-то нервного или мозгового недуга, оказавшегося фатальным. Много позже, уже в клинике в Базеле, Франсиска показала, что он умер от «чего-то в мозгу, вызванного падением с лестницы», но что при этом он никогда не был «сумасшедшим». Термин *gemiitskrank*, который Ницше употребил при описании состояния, в которое впал его отец, означает психическое расстройство или меланхолию. Это очень расплывчатый термин и не обязательно означает (строго говоря, не должен означать) умопомешательство в клиническом смысле. Конечно, сам Ницше никогда не был *gemii tskrank*, *умственно больным*, он был *geistes-krank*, то есть *душевнобольным*. Более того, едва ли четырехлетнему мальчику позволялось неограниченное общение с отцом в пору «умственного расстойства» последнего; мало вероятно и то, что он сумел осознать гораздо больше, чем просто инстинктивно почувствовать, что что-то не так.

⁴ Цитата из книги «Из моей жизни» – это только отрывок: в деталях описаны похороны, названы даже имена священников. Похоже, Ницше запомнил сцену с детальной точностью. В книге «Краткая автобиография» смерть отца описана вновь, на сей раз со стихами, посвященными памяти почившего: *Ach sie haben Einen guten Mann begraben, Und mir war er mehr!* («Ах, вы похоронили хорошего человека, а для меня он был еще лучше!») И это спустя 13 лет после смерти отца, которого он знал только в младенчестве!

Пресловутая ненадежность и нечестность Элизабет в вопросах биографии отсекает всякую возможность ссылаться на любые ее свидетельства – и в подтверждение, и в опровержение фактов в тех случаях, когда мнения расходятся. В написанных ею биографиях брата она делает все возможное, чтобы отвести подозрения относительно душевной болезни отца, но делает это таким образом, что эти подозрения кажутся еще более основательными: она подтасовывает, к примеру, фрагмент текста в «Из моей жизни», в котором Ницше писал, что его «любимого отца внезапно постигла душевная болезнь». Когда она в первом томе биографии 1895 г. приводит этот отрывок, он уже звучит так: «Моего любимого отца внезапно постигла серьезная болезнь в результате падения». Этот пример типичен для методов работы Элизабет. Наиболее честным и разумным способом было бы процитировать слова Ницше, а затем пояснить, что они неверны, приведя слова матери как отражающие действительное положение дел и приписав ошибку Ницше его молодости и неспособности понять, что же на самом деле происходило с отцом. Она не только не сделала этого, исказив текст рукописи Ницше, но и не уничтожила его, а оставила в архиве с тем, чтобы позже он мог быть опубликован без искажений.

Утверждение о том, что пастор Ницше некогда «помутился рассудком», можно считать в лучшем случае неокончательным. Тем более нельзя настаивать, что свою недоказанную болезнь он передал сыну. Это чистое предположение: зная, что Ницше постиг психический коллапс, что он, несомненно, был душевно болен, и одновременно узнав, что его отец скончался от «размягчения мозга», кто-то пришел к вполне допустимому, но не вполне обоснованному выводу о связи этих фактов. Уж если кто и дает основания полагать, что доля безумия от отца все же передалась сыну, так это Роде. В письме Овербеку от 4 августа 1889 г. (то есть спустя восемь месяцев, как Ницше помутился рассудком) он мягко замечает, что Элизабет, скорее всего, тоже носит в себе «семена безумия», и добавляет: «С ней всегда было не все в порядке». (Роде знал о предположении, что пастор Ницше страдал какой-то болезнью головы.) К счастью, его страхи относительно умственного здоровья Элизабет не подтвердились. Как бы кто ни порицал ее поведение, ни противился ее мнениям, ни сомневался в ее суждениях, но ничто из этого нельзя приписать умопомешательству.

Даже если допустить, что коллапс, случившийся в последние месяцы 1888 г., лег тенью на все, происходившее ранее, совершенно не оправдано распространять это на его труды и подвергать сомнению их ценность. Последовательный ход мысли прослеживается начиная с работы «Человеческое, слишком человеческое» и чем ближе к концу творческой деятельности философа, тем его мысль не только не слабеет, но становится убедительнее. Необычность идей, а вовсе не дефицит логики в его произведениях – вот что отделило современного ему читателя, а факт психического нездоровья философа позволил и вовсе скинуть со счетов его идеи как продукт неуравновешенного ума.

Вернемся к семейству церковного прихода Рекен. За ударом, нанесенным смертью отца, в первые дни 1850 г. последовала вторая трагедия. Внезапно умер маленький Иозеф – по словам матери, от «спазма во время прорезывания зубов». И есть вероятность, что здесь есть связь с признаками легкой эпилепсии в организме отца.

В апреле того года на смену пастору Ницше должен был приехать новый священник, и поэтому семья должна была освободить дом. У бабушки Ницше были тесные связи с городом Наумбургом-на-Саале; там семейство оправилось, чтобы начать новый этап своей жизни. Наумбург в то время все еще был обнесен крепостной стеной; имевшиеся здесь пять ворот закрывались в десять вечера и оставались закрытыми до пяти часов утра. В некотором роде Наумбург был так же тих и консервативен, как Рекен, где жизнь текла без каких-либо существенных изменений вот уже более века. И здесь Ницше прожил с шести до четырнадцати лет. Не считая его, семья теперь полностью состояла из женщин, и мы вкратце и по существу проследим их судьбы в годы пребывания в Наумбурге.

Летом 1855 г. умерла тетя Августа, а в апреле 1856-го за ней последовала бабушка Эрдмута. Получив наследство от бабушки, Франциска теперь обрела свой собственный дом, и летом 1856 г. она с двумя детьми перебралась к друзьям, а вскоре и в свою недвижимость. Ей было всего тридцать; она больше никогда не вышла замуж, но это была скорее нерасположенность к браку, нежели отсутствие таковой возможности. Может создаться ложное впечатление о домашней обстановке, окружавшей в то время Ницше, если представлять его живущим с «вдовой матерью», со всеми присущими этому понятию атрибутами, вроде угрюмого уныния и сверхбережливости. На самом деле только теперь, освободившись от гнета старших женщин, она вновь вполне обрела ту энергию и веселость, которые были столь характерны для нее в девичестве. Летом 1858 г. она в третий раз поменяла место жительства, переехав в дом номер 18 по Вайнгартен, где так и осталась до конца жизни. Именно из этого дома, впервые покидая мать, Ницше уезжал, чтобы поступить в школу-интернат Пфорташуле, и в этот же дом он вернулся через тридцать один год, чтобы принять на себя заботу о матери вплоть до ее кончины.

Вскоре после переезда в Наумбург Ницше поместили в местную школу для мальчиков; ему было почти 6 лет, и он уже умел читать и писать, обученный грамоте матерью. Здесь он встретил первых друзей, двух наумбургских мальчиков, Вильгельма Пиндера и Густава Круга. Бабушка Пиндера была подругой бабушки Ницше и одной из самых ярких личностей городка; его отец, член городского совета, был любителем литературы, и именно в его доме Ницше впервые услышал о Гете: советник Пиндер читал «*Novelle*» Гете трем мальчикам. Круг был кузеном Пиндера; его отец, известный музыкант-любитель, принимал у себя гостей-музыкантов, приезжавших выступать в Наумбург, – таким образом, природная склонность Ницше к музыке получила мощную поддержку в том, что ему доводилось слышать во время таких гастролей.

Те, кто был склонен отрицать в Ницше все, вплоть до его человеческих достоинств, обвиняли его в неспособности дружить. Это совершенная неправда. У него был друг всей его жизни в лице Овербека; если постепенно угасла его глубокая дружба с Роде, когда разошлись их пути, то, тем не менее, она продолжалась столь долго, сколь обычно может вообще длиться крепкая дружба. Более того, никто не высказывал письменно похвал дружбе с такой силой и красотой, как Ницше. Однако следует признать, что в друге он очень часто искал в первую очередь утверждение самого себя, отклик себе либо слушателя своим рассуждениям. Трудно было ждать от него привязанности к кому-либо только из-за чисто человеческих качеств этих людей (Овербек является абсолютным исключением). В этом отношении, как и во многих других, он был так похож на Вагнера, что высказывание Эрнста Ньюмана о том, чего ждал от друга Вагнер, полностью применимо и к Ницше:

«Ему нужен был приемник, резервуар для вулканического извержения его идей и поддержка в их реализации; и настоящий друг, с его точки зрения, был тот, кто с наибольшей отдачей исполнял роль слушателя или помощника. Он был, в некотором смысле, подобен человеку, который возвышается над собратьями и чересчур огромен для обычной дружбы: не может быть настоящей дружбы между центральной горой и окрестными холмами – один может смотреть только снизу вверх, другой – сверху вниз. «Скорбный гений, вершащий закон, – весьма справедливо замечает Ромен Роллан, – словно заявляет, что великий ум нуждается в сильной дозе посредственности другого, чтобы удовлетворять потребностям дружбы. Для гения возможна лишь преходящая дружба с равными ему»⁵.

Однако это вовсе не означает, что гениальный человек не способен на дружбу *вообще*, и утверждение Роллана не следует понимать как утверждение, что все, чего желает такой человек, – это поклонение. Ближайшим товарищем Ницше после его разрыва с Вагнером был Петер

⁵ Newman Ernest. The Life of Richard Wagner. Vol 1. London, 1933. P. 89.

Гаст, человек значительно более скромного интеллекта (что Гаст прекрасно понимал), но преисполненный восхищения личностью Ницше. У Гасти был красивый четкий почерк; почерк Ницше никогда не был хорош и становился еще хуже по мере потери зрения, пока не превратился в совершенно неразборчивые каракули, расшифровать которые было под силу лишь Гасту. Трудно представить, как вообще Ницше сумел бы привести свои рукописи в пригодное для издателя состояние без помощи Гасти. Потомки во многом обязаны поистине невероятным усилиям Гасти как копииста, так никогда и не получившего должной благодарности. Более того, Гаст готов был бросить все, чем бы он ни занимался, чтобы по первому зову прийти Ницше на помощь. Если бы при таком положении дел Ницше мог принимать преданность Гасти без малейшего чувства обязанности ему, то в глазах любого человека он выглядел бы действительно исчадием неблагодарности, каковым его подчас и рисуют. На деле же он глубоко переживал это чувство. По профессии Гаст был композитором, и хорошо известно, что Ницше сделал все, что мог, для становления его карьеры, устраивая или пытаясь устроить концерты его музыки повсюду, где только представлялась возможность, и с высокой похвалой отзываясь о Гасти как о «втором Моцарте», хотя на деле таланты его друга были весьма посредственны. Критики Ницше, естественно, поднимали на смех экстравагантность его панегириков произведений Гасти, заявляя, что не видят в этом ничего, кроме доказательства абсурдности его претензий на роль эстетического судьи. Как правило, те же джентльмены заявляют и о его неспособности дружить.

Его юношеская дружба с Пиндером и Кругом была в определенном смысле моделью того, что вообще могла собой представлять такая дружба. Ницше, безусловно, доминировал, и это было неизбежно (в противном случае эти отношения, возможно, не состоялись бы вовсе), но причиной тому конечно же являлись его более высокая одаренность по сравнению с двумя его друзьями. Хотя он и не был вундеркиндом, его интеллектуальные и артистические способности были заметны с первого взгляда, и нет ничего удивительного, что ему выделили бесплатное место в знаменитой Пфорташуле. Такая ситуация в расстановке сил, должно быть, устраивала и двух его приятелей, поскольку эта дружба продолжалась не только в мальчишеские годы; она выдержала период расставания, связанный с отъездом Ницше из Наумбурга в Пфорташуле, и впоследствии наиболее ярко проявилась в создании малого литературного общества «Германия». Это общество друзья основали в поддержку развитию искусства, и проработало оно целых три года. Наконец, именно Круг познакомил Ницше с творчеством Вагнера. Друзья перестали видеться и помогать друг другу только тогда, когда Ницше уехал из Пфорта в Бонн, а затем в Лейпциг, и его юношеский период на том завершился.

Школьные годы в Наумбурге протекали без особых приключений. Весной 1851 г. Ницше и его два друга были переведены из городской школы в частную подготовительную школу, где они проучились вплоть до 1854 г. и где Ницше получил первые знания в латыни и греческом. Затем они продолжили обучение в школе более высокой ступени, *Domgymnasium*. По прошествии четырех лет обучения в гимназии Ницше наградили бесплатным местом в Пфорташуле. Он покинул гимназию по окончании летнего семестра в 1858 г. и 5 октября приступил к занятиям в Пфорташуле. Он не испытывал трудностей в обучении. Будучи очень прилежным учеником, он отнюдь не был книжным червем. Судя по характеру его поведения в последующие годы, можно предположить, что он старался избегать неровностей улицы, боясь споткнуться и упасть, так как уже тогда давала о себе знать его близорукость⁶; она же стала препятствием к участию мальчика в спортивной жизни школы, но он всегда с удовольствием занимался любыми упражнениями на свежем воздухе, которые, как он чувствовал, были ему по силам. Еще в раннем возрасте он научился плавать и всегда оставался пловцом незауряд-

⁶ Элизабет тоже была близорука: как раз эту черту оба ребенка действительно унаследовали от отца.

ных способностей. Также он превосходно катался на коньках и в своих длительных поездках по стране отмечал, что немцы всех возрастов имеют особое пристрастие к этому виду упражнений. Он был крепкого сложения и отнюдь не слабым физически. Эти внутренние резервы помогали ему год за годом бороться с болезнью, которая уже сказывалась в его юношеском организме.

Слабым местом его здоровья было зрение. Уже поступив в школу, он был вынужден носить очки, которые затем не снимал всю жизнь. Несмотря на то что его не постигла полная слепота, он всегда жил под угрозой полной потери зрения. Чтение и письмо в том объеме, который он выполнял, будучи еще мальчиком, конечно же отрицательно сказались на его здоровье и стали одной из причин мучительных головных болей, которые тогда начали донимать его и от которых он уже никогда полностью не избавился. Летом 1856 г. из-за проблем со зрением и постоянных головных болей его даже на время освободили от школьных занятий.

Хотя Пфорташуле находилась всего в часе ходьбы от Наумбурга, переезд туда Ницше знаменовал конец целой эпохи его жизни и начало новой. До 14 лет он жил уединенной жизнью: защищенный любовью своей нежной матери, поначалу в крошечной деревушке, потом в городке побольше, но столь же тихом и спокойном, он мало что знал о реальности большого мира, и спартанская дисциплина в Пфорташуле составила резкий контраст той уютной домашней свободе, в которой он до сих пор рос. Но прежде чем мы последуем за ним в Пфорташуле, давайте посмотрим, чем в эти ранние годы жил нарождающийся в нем художник и философ.

3

Многие философы писали стихи, и многие поэты философствовали, но только в Платоне интеллектуальные и художнические способности сочетались на столь же высоком уровне, на каком они сказались в Ницше. Однако этот двойной талант повредил его репутации философа, поэтому его и поныне порой приходится отстаивать прежде всего как философа, а не поэта и сочинителя афоризмов, обуреваемого несколькими навязчивыми идеями. Его великолепная память обернулась против него же: мозг удерживает краткие выдержки, но вне контекста они иногда кажутся почти бессмысленными и всегда подвергаются опасности быть неверно истолкованными. Он обладал несомненным художническим темпераментом, и потому его философские труды лишены определенной чистоты в том смысле, что они суть сплав разума и чувства, логики и риторики, а порой и *Dichtung und Wahrheit* (поэзии и правды. – Примеч. пер.). Это приводит в замешательство заурядный ум, которому непременно нужно уточнять, «что же Ницше имеет в виду». Если Ницше-философ за столь долгий срок обучения не поддался обработке стандартами наших университетов, то ответственность за это лежит именно на Ницше-художнике. Ибо когда философ в нем диктовал содержание, художник диктовал форму, которая отстаивала правду искусства вопреки предрассудкам логической ясности. Таким образом, он создавал лишние сложности для тех, кому неймется «разрешить» проблемы произведений Ницше (а попутно, видимо, и «порешить» самого автора).

На самом деле эти минусы были одновременно плюсами, художник в Ницше был его прибежищем. И именно потому, что он был столь же художник, сколь и мыслитель, ему удалось избежать пороков немецкой философии. А поскольку он постоянно общался с тем лучшим, что в этой философии было ценного и глубинного, то сумел избежать неряшества мысли и не скатился до уровня остряка-афориста. Если перебрать и перечислить все недостатки, присущие этим двум противоположным классам мыслителей, то станет ясно, на каком острие балансировал Ницше.

Минусы немецкой философии связаны с ее профессионализмом: замкнутая атмосфера, книги вместо жизни, неспособность увязывать открытия с миром как таковым, презрение к хорошему стилю, инбридинг, недостаток общей культуры, серьезность до отвращения.

Дефекты культурного *philosophe* лежат, напротив, в области непрофессионализма, дилетантизма: слишком обширные интересы, поверхностность, культивация хорошего стиля как предела достижений, принесение истины в жертву остроумию, отсутствие интеллектуальной честности, философствование вместо философии, непоследовательность, противоречивость. Ницше удается балансировать между этими двумя типами мышления и двумя способами выражения: он глубок, но не заумен; он оттачивает стиль, но сочетает его с хорошей мыслью; он серьезен, но не зануден; он тонкий – но не эстетствующий – искусствовед и культуролог; он афористичен и склонен к эпиграмме, но основанием его афоризмов и эпиграмм является твердая философская позиция; самый остроумный из философов, он редко поддается соблазну пожертвовать правдой ради красивой фразы; он очень многосторонен, но никогда не упускает из поля зрения свои основные интересы. Он достигает, особенно в последних работах, точности и ясности, редко встречающейся в немецкой письменной культуре: ни один мыслитель подобной глубины не владел столь совершенно инструментом выражения.

Ницше был не по годам интеллектуален, но до поры до времени не оригинален, и ему было уже 34 года, когда появилась первая из его значительных работ – «Человеческое, слишком человеческое». Самое раннее его творчество – стихи и другие сочинения наумбургского периода вплоть до 1858 г. – на редкость неоригинально: темы и их разработка банальны и совершенно лишены той спонтанности, которая присуща даже гораздо менее талантливому ребенку в его первых творческих попытках. В автобиографических записках «Из моей жизни» (1858) Ницше делит свое прежнее поэтическое творчество на три периода. Самые ранние стихи в основном представляют собой описание природы и драматические сценки, изложенные в форме неупорядоченного и часто нерифмованного стиха («Шторм на море», «Спасение», «Кораблекрушение», «Буря»); потом он попытался привнести форму и метр в этот хаос, но добился лишь скуки («Андромеда», «Аргонавты», «Дриопа»); наконец, он предпринял осознанную попытку объединить формальные качества второго периода со страстностью первого («Куда?», «Жаворонок», «Жалоба соловья», «Прощание Гектора», «Барбаросса»). В 1857 г. он написал стихотворение на осаду Севастополя: вместе с Пиндером и Кругом он разыгрывал Крымскую войну в саду за домом, испытывая при этом глубокое сочувствие к русским. Он перечисляет сорок шесть стихотворений, написанных с 1855-го по и оговаривает особо, что это только выборка; всего же он написал, видимо, около сотни стихов, однако они не отмечены знаком врожденного писательского дара. В записках «Из моей жизни», повествуя о своих ранних поэтических усилиях, он замечает: «Так или иначе, но в мои планы всегда входило написать маленькую книжку и потом читать ее самому» – детское выражение нарциссизма подлинного художника, который создает что-то, чтобы потом любоваться созданным. Другие юношеские произведения – это две короткие пьесы на классические сюжеты, написанные в содружестве с Пиндером, а в 1856 г. он начинает роман под названием «Смерть и разрушение». Наиболее убедительным творением было уже не раз упоминавшееся «Из моей жизни», написанное простой, бесхитростной прозой, когда говорится то, что хочется сказать, и ничего более, оно представляет довольно успешный опыт для подростка, не достигшего еще 14 лет.

Ценность этих юношеских творений для изучения феномена Ницше состоит в том, что они дают исследователю точку отсчета: в гораздо большей степени, чем все вторичные источники, они свидетельствуют о том, насколько набожен был мальчик. Вряд ли можно ожидать, что на тот момент он таил в душе серьезные сомнения, и еще менее – что он мог формулировать свои несогласия. Напряженность его религиозного чувства поразительна:

«Я уже испытал так много – радость и несчастье, веселье и печаль, – но во всем Господь бережно вел меня, как отец ведет свое маленькое, слабое дитя... Я для себя твердо решил навсегда посвятить себя служению Ему. Да вселит в меня возлюбленный Господь силы и волю осуществить мои намерения, и да защитит Он мой жизненный путь! Как дитя, я верю в Его

милосердие: Он защитит всех нас, так что никакое несчастье не постигнет нас. Да исполнится его воля! Все, что он пошлет, я с радостью приму – счастье и несчастье, бедность и богатство, и даже смело взгляну в лицо смерти, которая однажды всех нас объединит в вечной радости и блаженстве. Да, дорогой Господь, пусть лик твой воссияет над нами навеки! Аминь!»

Глава 2

Школьник

Молодость всегда неприятна, поскольку тогда либо невозможно, либо неразумно быть продуктивным в каком бы то ни было смысле.

Ф. Ницше. Человеческое, слишком человеческое

1

Пфорташуле была школой трудной и строгой, но это было как раз то, что требовалось Ницше в 14 лет. Как и в большинстве частных школ того времени, ее устав был составлен так, словно предназначался для тюрьмы, где содержали закоренелых преступников. Но думается, ошибочно полагать, что эти правила могли повредить подростку, которому следовало каким-то образом понять, что праздность и счастье – вовсе не одно и то же, и научиться этому у людей, искренне желающих ему добра. Ницше оставил нам описание типичного школьного дня в Пфорта⁷. Учеников поднимали в четыре часа утра, к пяти им следовало привести себя в порядок; занятия начинались в шесть и продолжались в той или иной форме до полудня. Они возобновлялись в 1.15 пополудни и длились до 15.50. Вечером проводились еще какие-либо занятия; отбой давался в 21.00. Поведение за трапезой подчинялось жестким правилам, и в течение всего дня ученику оставалось чуть более часа, когда он был предоставлен самому себе. Этому распорядку следовали пять дней в неделю. Воскресенье было выходным, и был еще один день, когда обитатели интерната могли поваляться в постели на час дольше, после чего занимались повторением пройденного за неделю. И конечно же были долгие школьные каникулы, когда можно было оправиться и поднабраться сил. Поначалу Ницше активно невзлюбил такую жизнь. Он тосковал по дому. В феврале 1859 г., после четырех месяцев пребывания в Пфорташуле, его охватило неодолимое желание выбраться отсюда и вернуться домой; такой же приступ он испытал по возвращении в школу после летних каникул того же года. Он поделился своими проблемами с наставником по имени Буддензиг, и тот помог ему справиться с ними⁸, после чего Фридрих стал почти образцовым школьником и погрузился в изучение предметов, которым в школе уделялось особое внимание.

Основной интерес Пфорташуле лежал в области греческого языка и латыни и несколько в меньшей степени в сфере немецкой классики. По свидетельству Рихарда Блунка, школа была поистине миром книг: ученики вдыхали воздух не современной Европы, а Древней Греции и Рима, а также Германии времен Гете и Шиллера. Совершенно естественно поэтому, что, как выпускнику Пфорташуле, Ницше была уготована судьба профессора классической филологии, поскольку из всей программы данного заведения именно этот раздел знаний он осваивал наилучшим образом. Математика и естественные науки значительно уступали гуманитарным и отходили на второй план. Математика давалась Ницше хуже всех прочих предметов, и, если бы не его высокая репутация в классических дисциплинах, он провалился бы на выпускных экзаменах из-за слабой письменной работы по математике. (Есть версия, что экзаменаторы были уже на грани решения поставить неуд., когда один из них воскликнул: «Но позвольте, господа, неужели мы и в самом деле собираемся провалить лучшего из всех, кто когда-либо обучался в Пфорташуле?») В других неклассических дисциплинах Ницше тоже не блистал.

⁷ Дневник Пфорташуле, запись от 9 августа 1859 г.

⁸ Дневник Пфорташуле, запись от 6 августа содержит перечень противоядий от ностальгии по дому, которым научил мальчика Буддензиг.

Следуя своему намерению стать теологом, он изучал древнееврейский язык, но так и не сумел освоить грамматику. Был он посредственным учеником и в современных языках: Шекспира и Байрона он читал в переводах на немецкий, так и не сумел вполне овладеть итальянским (даже потом, живя в Италии), а по-французски читал только с помощью словаря.

Его интеллектуальная энергия не находила выхода в учебе, и, чтобы как-то реализовать свои развивающиеся способности, он предложил своим наумбургским приятелям Пиндеру и Кругу организовать литературно-музыкальное общество под названием «Германия», где можно было бы слушать или читать друг другу свои сочинения и затем обсуждать их. Общество открылось с должной торжественностью 25 июля и следующие три года друзья встречались достаточно регулярно, чтобы почитать вслух то, что они написали, или исполнить музыку, которую сочинили. Первое произведение Ницше для «Германии» было музыкальным: пьесы для Рождественской оратории. Затем последовали стихи и эссе, а в апреле 1862 г. появился его самый ранний философский очерк – «Судьба и история».

В марте 1861 г. Круг представил обществу «Несколько сцен из «Тристана и Изольды». «Германия» подписалась на «*Neue Zeitschrift für Musik*», который в то время настойчиво пропагандировал Вагнера и «новую музыку», а также приобрела копию фортепьянного переложения Бюлова партитуры «Тристана», вышедшего в 1859 г. Круг был уже большим почитателем Вагнера и старался увлечь Ницше. Он исполнял несколько отрывков из оперы, и Ницше, ставший к тому времени прекрасным пианистом, порой подсаживался к клавиатуре и пытался следить за незнакомой и очень сложной партитурой, при этом оба молодых человека прилагали максимум стараний, чтобы исполнить вокальные партии. Эти встречи происходили в доме у Ницше, и Элизабет вспоминает, какие кошмарные звуки доносились из гостиной, когда шел процесс освоения. Круг также сделал в обществе сообщение об увертюре к «Фаусту» и «Золоту Рейна». Это было первое знакомство Ницше с творчеством Вагнера. Поначалу оно озадачило его, хотя он конечно же понимал, что их исполнение на пару с Кругом «Тристана» едва ли позволяет достоверно судить о произведении. Все годы учебы в Пфорташуле его любимым композитором был Шуман, чей сдержанный романтизм приходился ему более по вкусу, чем неукротимая страстность (как он это тогда воспринимал) Вагнера и Аиста, и чьему примеру он следовал в собственных попытках сочинять музыку.

Эта литературная и музыкальная деятельность велась конечно же сверх всякого расписания, но учеба в школе тоже начинала приносить плоды: к 1861 г. относятся очерки о Гельдерлине и Байроне, и вплоть до октября 1863 г. Ницше занимался продолжительными исследованиями саги об Эрманарихе и северной мифологии в целом. Он уже завершал работу над ними, когда состоялось его знакомство с Карлом фон Герсдорффом, с которым он оставался в дружеских отношениях многие годы. (Герсдорфф был приходящим учеником и занимался с профессором немецкого, который дал ему прочесть очерк Ницше об Эрманарихе, выразив при этом свое одобрение; в результате этого Герсдорфф преисполнился решимости познакомиться с Ницше.) Фридрих также приобретал навыки в постижении школьной критики. Он уже прежде читал Писание, но некритическим взглядом верующего человека; теперь он пытался подвергнуть его более вдумчивому, а следовательно, и более критическому прочтению. Он начинал понимать, что небрежное и невежественное чтение Библии не оправдано, ведь к текстам, пришедшим через Грецию и Рим, можно было теперь применить весь ресурс приобретенного гуманитарного знания и исторической критики. На Пасху 1861 г. он прошел конфирмацию вместе с Паулем Дойссеном, также учеником Пфорташуле, и они поддерживали отношения с Ницше вплоть до самой смерти последнего. Недели, предшествовавшие конфирмации, оба они, и Ницше, и Дойссен, пребывали в состоянии некоего религиозного экстаза, быстро, однако, угасшего по окончании церемонии и никогда более не посещавшего их. Дни невинности Ницше были сочтены, и не прошло и года, как он уже готов был объявить религию «плодом детства человечества».

Это была не единственная произошедшая в нем перемена. Наступил беспокойный переходный период, и образцовый ученик начал выказывать признаки неповиновения. Литературная манифестация этого явления вылилась в прозаический фрагмент «Евфорион», написанный на летних каникулах 1862 г. Его сохранил некий Гранье, соученик Ницше, которому тот переслал рукопись 20 июля из Горенцена, где в то время находился. Этот фрагмент – отчасти циничное, отчасти сентиментальное свидетельство юношеского отчаяния. В сопроводительном письме, приложенном к рукописи, Ницше написал: «Я с отвращением отказался от намерения продолжить эту историю после того, как написал первую главу. Посылаю тебе рукопись этого уродца, чтобы ты распорядился ею, как тебе будет угодно»⁹.

В первые месяцы 1863 г. поведение его стало решительно скверным, он начал плохо писать. Возникла глубокая привязанность к довольно буйному молодому человеку по имени Гвидо Мейер, у которого вечно были трения со школьной администрацией. Вскоре Мейера и вовсе исключили из школы. В письме матери и сестре Ницше назвал день отъезда Мейера, 1 марта, «самым печальным днем, который когда-либо довелось испытать в Пфорта». У него вошло в привычку засиживаться допоздна за разговорами и выпивкой с вышеупомянутым Гранье, помимо прочих, после чего на утро следующего дня он бывал несколько не в форме и не испытывал особой любви к греческому языку. Кризис разразился в воскресенье 14 апреля. Вместе с приятелем, неким Рихтером, они отправились в ближайший городок Кезен и на железнодорожной станции выпили по четыре пинты пива; на обратном пути в школу они имели несчастье натолкнуться на учителя, с негодованием увидевшего, что Ницше не вполне трезв, а Рихтер и того хуже. Последовало соответствующее наказание, и Ницше на время лишили должности префекта (старосты), что потрясло его до глубины души. В письме матери от следующего вторника он дает обещание постараться привести себя в надлежащее состояние. «Мне нет оправданий, – пишет он, – кроме того, что я не знал, какова моя мера (выпивки), и в тот день мы были немного возбуждены». С этого момента он и впрямь, похоже, подтянулся – во всяком случае, в книге наказаний Пфорташуле более не было о нем никаких записей.

А вот в книге болезней он продолжает фигурировать. Головные боли, начавшиеся у него с приходом в школу, усиливались. Особенно сильный приступ произошел в середине января 1861 г. и повторился в феврале, и мальчика на две недели отпустили домой. Но мигрени продолжали мучить его; в своем дневнике он пишет: «Я должен к этому привыкнуть». В период с марта 1859 г. по май 1864 г. – пока он учился в Пфорташуле – в школьной книге регистрации болезней есть записи о том, что он переболел ревматизмом, катарам, простудами, закупорками сосудов головы в дополнение к головным болям, причем приступы болезней длились в среднем неделю.

Ницше окончил Пфорташуле 4 сентября 1864 г. Он написал *Valediktionsarbeit* (выпускное сочинение) на тему «Theognide Megarensi» («О Феогниде Мегарском»); работа была написана на латыни и являлась, по сути, его первым оригинальным филологическим исследованием. Выпускной вечер состоялся 7 сентября, после чего он написал самое лучшее из своих ранних стихотворений «Dem unbekannten Gott» («Незнакомому Богу»). На следующий месяц он был зачислен в университет в Бонне в качестве студента филологии и теологии.

Что касается того, что в период учебы в Пфорта Ницше порой был не прочь выпить, то, как известно, в те времена пьянство в частных школах вообще было обычным явлением. В Пруссии Пфорташуле заработала такую же славу, что в Англии приобрела Регби, печально знаменитая числом своих сильно пьющих студентов.

⁹ Цит. по: Blunck Richard. Friedrich Nietzsche. P. 87.

2

Окинув взором литературное творчество Ницше времен Пфорташуле, можно заметить, что начали формироваться стиль, идеи и восприятие зрелого Ницше. Для начала заметим, что основной его интерес по-прежнему составляла поэзия, но побуждение выразить субъективные чувства уже соперничает с жадой познания. «В настоящий момент меня одолевает невероятная тяга к знанию, к общей картине, – писал он в августе 1859 г., – ее пробудил во мне Гумбольдт. Если б только она стала столь же постоянна, как моя преданность поэзии!» А преданность поэзии постепенно вознаграждалась: он выработал строго ритмический и благозвучный стиль стиха, которым мог выразить свои истинные переживания. В самом раннем из действительно стоящих стихотворений – «Ohne Heimat» («Без дома» или «Без родины»), написанном 10 августа впервые звучит тема, которая впоследствии появляется снова и снова, как лейтмотив его более поздних сочинений: у него нет дома, но именно поэтому он свободен:

Fluchtge Rosse tragen
Mich ohn Furcht und Zagen
Durch die weite Fern.
Und wer mich sieht, der kennt mich,
Und wer mich kennt, der nennt mich:
Den heimatlosen Herrn...
Niemand darf es wagen
Mich danach zu fragen,
Wo mein Heimat sei:
Ich bin wohl nie gebunden
An Raum und fluchtge Stunden,
Bin wie der Aar so frei!..

(Проворные кони несут меня / без страха и смятения / по пустынным местам. / И кто видит меня – знает меня, / и кто знает меня, называет меня / бездомным человеком. // Никто не смеет / спросить меня о том, / где находится моя родина: / похоже, я ничем не связан, / ни местом и ни летящим временем, / свободный, как орел.)¹⁰

Сходная идея более конкретным образом выражена в «Капри и Гельголанде», фрагменте некой истории, написанной приблизительно в то же время: «Мы пилигримы в этом мире – мы граждане мира». Он уже мыслит себя скорее гражданином мира (*Weltbürger*) – по крайней мере, иногда, – нежели гражданином Пруссии, и становление его как «доброго европейца» в более поздние годы, несомненно, состоялось бы раньше, если бы не отсрочка, связанная с отношениями с Вагнером. Его фундаментальная антипатия к узкому патриотизму лучше всего проявляется в очерке о Гельдерлине, написанном 19 октября 1861 г. Сегодня превозносимого до небес Гельдерлина тогда мало кто знал, и репутация его основывалась по большей части на его критических высказываниях в адрес Германии того времени. Ницше заступился за поэта и попытался оправдать его нападки на немецкое мещанство и «варварство», подчеркивая при этом, что они не являются «нападками на Германию». Позже сам Ницше пошел гораздо дальше Гельдерлина в том же направлении, и его критика немецкого филистерства и варварства приняла масштабы радикального осуждения государства и народа в целом. (Гельдерлин

¹⁰ Объективно, конечно, у него был дом в Наумбурге; но, как я попытался показать выше, его субъективное ощущение бездомности ведет свое происхождение со смерти отца.

был современником Гете и Шиллера, Ницше – современником Вагнера и рейха.) Сходство между двумя этими личностями – Гельдерлином и Ницше – часто отмечалось, оно и впрямь поразительно: на обоих сильное влияние оказала греческая античность, оба резко осуждали современную им Германию, кончине обоих предшествовал продолжительный период душевной болезни. Ницше называл прозу «Гипериона» «настоящей музыкой», точно так же он высказывался и о прозе своего «Заратустры». Учитель, прочитав очерк, одобрил его, но внизу приписал: «Однако я должен дать автору дружеский совет выбрать себе в качестве привязанности более здорового, понятного и *более немецкого поэта*»¹¹.

Очерк о Байроне (написан в декабре 1861 г.) менее интересен, и дело не в том, что репутация Байрона более нуждалась в дефляции (изъятии лишних символов), чем в аугментации (пополнении ими); здесь Ницше всего лишь повторяет бытовавшую тогда точку зрения на Байрона. То, что он видел в Байроне, по существу было сходно с представлением о нем современников: реальное воплощение Карла Мора. Герой-злодей Шиллера все еще оставался архетипом романтического бунтаря для молодых немцев 1860-х гг. Энтузиазм Ницше по отношению к Шиллеру в то время почти целиком основывался на его энтузиазме по отношению к «Разбойникам», и Байрон был как раз тем героем, который в жизни воплощал то, о чем Шиллер только мечтал. Восхищение «героем-изгоем» очевидно в очерке Ницше; по сути, это восхищение человеком, не побоявшимся следовать своим инстинктам, а поскольку этот герой сильно отличается от того, что позже Ницше назвал «сверхчеловеком», было бы ошибочно переоценивать влияние Байрона на эту концепцию. (Ницше называет байроновского Манфреда *«ubermensch (сверхчеловек)*

¹¹ Цит. по: *Blunck Richard. Friedrich Nietzsche. P. 60, курсив оригинала.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.